

ПОЛЕМИКА

В конце мая в дни работы Книжного салона в Петербурге произошло знаменательное событие — на Невском, 66, открылась Книжная лавка писателей, любимое в прежние годы место встреч писателей с читателями и презентаций книг; историческая достопримечательность, работавшая даже в дни блокады Ленинграда. Некогда она принадлежала Литфонду СССР, а в условиях постперестроечных рейдерских захватов собственности и их передела большой магазин в центре Невского проспекта стал причиной затяжной войны между Комитетами имущества и печати с одной стороны и Литфондом — с другой. Суды шли один за другим, пока в 2015 году литературы не

Татьяна ЛЕСТЕВА

была поставлена точка, и председатель Комитета по печати С.Г. Серезлеев не обрадовал писателей известием о победе города: Книжная лавка будет возвращена писателям, была представлена её директор — Л.Г. Паскина, сообщено о минимальной торговой наценке на книги и прочие радостные новости. Праздник открытия Книжной лавки состоялся, незадолго до этого снова открылись Книжные аллеи — книготорговля непосредственно на улице, продолжая традицию петербургских книжных развалов. Радость переполняла писателей, наконец-то читатели познакомятся с творчеством петербургских писателей! Ура! Виват!

Но, как говорил Маленькому Принцу Лис, “нет в мире совершенства”. И, если раньше писатель мог выставить свою книгу на продажу от своего лица и потом получить за неё деньги, то теперь требуется, чтобы книги представляли организации, которым затем будут перечислены деньги, а потом уже автор сможет получить их в кассе собственной бухгалтерии. Лишнее звено в цепочке товар — деньги? Разумеется! Но ведь писателей столько развелось, и если с каждым заключать договор, потом перечислять... Каким же это надо иметь штат бухгалтеров! Раз требуется организация, пусть так и будет.

И вот от нашей организации в Книжную лавку писателей были сданы журналы “На русских просторах” и несколько книг, в том числе моих и К.Грозной, изданных при поддержке Комитета по печати правительства СПб, а также книги рубрики “Библиотека журнала “На русских просторах””, включая историко-литературоведческие книги петербургского критика Геннадия Мурикова. Через несколько дней нам позвонила менеджер Книжной лавки, сообщив, что нашей организации сделана возвратная накладная и книги сняты с продажи. “Отчего да почему, да по какому случаю?”. Оказалось, что в Книжную лавку зашёл Борис Орлов (*герой реплики Г.Мурикова “Донос как форма литературной работы?”*, ЛР №21, 10.06.2016) и потребовал, чтобы книги “фашиста” Мурикова были сняты с продажи. Напуганная грозным видом бывшего офицера директор Книжной лавки дала указание на всякий случай снять все журналы и книги, выставленные на продажу. Ещё был! Это был не рядовой читатель, а... цитирую: “Я офицер, нарушивший присягу (СССР, — Т.Л.)! Безропотно служу чужому флагу (т.е. флагу России, — Т.Л.), / Тому, который раньше презирал (это морской офицер о триколоре, сначала морском, а потом государственным флаге России, — Т.Л.)”.

Если же к этому добавить “страшную” историю о том, как некоего директора книжного магазина привлекли к административной ответственности за пропаганду наркотиков при продаже книги о грибах, в которой была информация о галлюциногенных свойствах некоторых грибов, рассказанная мне обязательным менеджером Книжной лавки, то страх директора Книжной лавки “загрязнить” по делу о пропаганде взглядов Бенито Муссолини”, вероятно, объясним.

Но я никогда не видела, чтобы Геннадий Муриков был украшен фасциями, и, насколько мне известно, он никогда не состоял, за исключением членства в ВЛКСМ, ни в одной

О прозе Александра Снегирёва

Это новая звезда в так называемой российской литературе — Александр Снегирёв, — его наперебой печата-

Илья КИРИЛЛОВ

Дневник в колониальном стиле

тают литературные журналы, издательства с большой охотой выпускают его книги. Несмотря на то, что он сравнительно молод (род. 1980), его творчество увенчано уже и несколькими литературными премиями.

Оговорюсь, что и журналы, и издательства, и жюри литературных премий принадлежат, так сказать, либеральной общественности, именно в этой среде Александр Снегирёв и снискал себе славу.

Но и нам, “нелибералам”, было бы несправедливо и глупо отрицать талант Александра Снегирёва. Для меня лично является отрадным и ещё одно обстоятельство. Снегирёв — исключительно умён, а это большая редкость в литературе. Деявность процентов авторов в отечественной литературе (да и во всякой другой тоже) беспрочно, несправедливо глупы.

Я уж не говорю, чтобы сравнивать кого бы то ни было с Ницше, — масштаб его разума не поддаётся человеческому измерению, — но ведь достаточно перечесть для сравнения один-два абзаца из “Детства хозяина” Сартра, чтобы ощутить всю нескончаемую глупость того же Уэльбека, например, и многих-многих других, наших, не наших...

Александр Снегирёв умён в каждой строчке каждого своего повествования. Всё точно, прочно, правда, местами скучно, но это опять же говорит о том, что автору достаёт ума не ввергать себя в те области, с которыми он плохо знаком, либо не успев ещё рассмотреть образ с самых разных сторон, чтобы найти для него единственно верное место в тексте.

О чём же пишет Снегирёв? По принятой в критике традиции хочется сказать: о разном...

Да, темы его повествований весьма разнообразны. Но при внимательном чтении нельзя не увидеть и не почувствовать, что главная тема у него одна — Россия. Я не знаю ничего достоверного о происхождении Александра Снегирёва, но, судя по тому, что в прозе его довольно часто присутствуют еврейские сюжеты, то вряд

партии, включая националистические: ни у Баркашова, ни у Лимонова, — являясь с 1990 года только членом Союза писателей СССР (России). К тому же, чтобы лишить автора гарантированного Конституцией РФ права на свободу информации, как известно, требуется решение суда.

Поскольку журналы “На русских просторах”, книги К.Грозной, Г.Мурикова, Т.Лестевой не входят в перечень Минюста запрещённой к распространению литературы, мне показалось решение уважаемой Л.Г. Паскиной, мягко говоря, необоснованным.

Вправе ли директор Книжной лавки писателей по первому требованию, скажем, некоего посетителя снимать книги с продажи? Вероятно, да, если это её частная лавочка, и она дорожит мнением некоего Имьярека. Но... Книжная лавка писателей СПб возрожда-

А “судьбы” кто?!

лась под эгидой Комитета по печати правительства СПб и Дома писателей как АНО “Книжная лавка писателей” — Автономная некоммерческая организация. В соответствии с типовым уставом высшим органом АНО является Совет учредителей, а директор АНО “заключает договоры и совершает иные сделки; осуществляет исполнительно-распорядительные функции”. Естественно, что в уставе АНО нет статьи о праве директора выступать в роли самоназначенного цензора в нарушение статьи 29.5 Конституции РФ, согласно которой: “Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается”.

Кстати, небезынтересная информация: учредителями АНО “Книжная лавка писателей” являются две общественных организации: Союз писателей Санкт-Петербурга и СПР России, не знаю, общероссийский или только его Санкт-Петербургское отделение.

Но в состав совета АНО вошли уважаемый известный писатель В.Г. Попов — председатель Союза писателей СПб и ... кто бы вы думали? Б.А. Орлов — председатель петербургского отделения СПР собственной персоной! Тот самый Орлов, который с пеной у рта неоднократно отстаивал принадлежность Дома творчества в Комарово и Книжной лавки Литфонду, тот самый Орлов, который в почти историческом припадке пытается вычеркнуть Д.С. Мережковского из русской культуры, тот самый Орлов, для которого донос — форма литературной работы (цитирую статью Г.Мурикова), а клеветнические заявления о писателях, в том числе и членах СПР, — это его хобби, тот самый Орлов, который присвоил себе право решать, каких писателей можно читать, а каких нельзя, тот самый вездесущий Орлов, который всюду: и в издательском совете, и в приёмной комиссии и в... Где его, несчастного, загруженного общественной работой с головы до ног, только нет! Куда ни войдёшь, всюду так и звучит унтер-пришибево: “Нар-род, разойдись, не толпись, по домам!”.

Но вернёмся к нашим баранам, как говорят французы. Наша борьба (не спутайте с “Майн Кампфом” Гитлера) за свободу информации продолжается, ждём ответа от Комитета по печати, правовой оценки неправовых действий по наущению Б.Орлова.

И ещё свербит один вопрос: АНО “Книжная лавка” — это книжный магазин писателей или частная лавочка Б.Орлова? Вопрос отнюдь не праздный. В Книжной лавке я увидела книгу стихов члена СПР Олега Юркова, изданную за счёт автора, но — обратите внимание — согласованную с Союзом писателей России! Что это реверанс перед Орловым, чтобы книжка появилась и в лавке, и на Книжных аллеях? Или теперь таков закон, введённый Б.Орловым: “вперёд ни шагу, и назад ни шагу” без его укажущего перста? К кести В.Г. Попова он, судя по всему, не требует такого от членов его писательской организации: в книге Г.Каримова, также изданной за счёт автора, никаких книжесов читатель не увидит.

А пока, увы, Держиморды на литературном посту, и не только в СПб, если судить по публикациям в литературных газетах. Не пора ли поставить жирную точку на правовом беспределе на ниве культуры?

Санкт-Петербург

Беседует Пола Звонарёва

Недавно в петербургском издательстве “Алетейя” вышла книга “Воставшие из небытия” — антология писателей Ди-Пи и второй волны эмиграции, подготовленная московским профессором Владимиром Агеносовым. Мы решили обсудить это издание с авторитетным учёным, более сорока лет изучающим культуру русской эмиграции, французским профессором, почётным академиком Российской академии художеств Рене Герра, обладателем самой большой в мире коллекции картин, рукописей и книг с автографами русских писателей и художников-эмигрантов. Сегодня господин Герра — единственный памятный свидетель творчества и деятельности, а кроме того, и прижизненный публикатор талантливых текстов русских писателей-эмигрантов, десятилетиями не замечавшихся зарубежными славистами, старательно изучавшими тексты официально одобренных советских авторов. Со многими из героев этой антологии Рене Юлианович (как называли русские эмигранты своего любимого в Россию молодого французского друга) был хорошо знаком, кое с кем — близко дружил.

Пола Звонарёва: На недавно проходивших в Ганьске XVII международных литературно-образовательных чтениях одна из польских участниц назвала эту антологию “Воставшие из небытия”, “событием в эмигрантологии” (термин введён польским учёным Люцианом Суханеком на съезде славистов в Кракове в 1998 году). Я знаю, что вы иначе оцениваете эту книгу. Чем объясняется ваша негативная оценка?

Рене Герра: Моя негативная оценка объясняется тем, что эта антология, как и книга того же автора “Литература русского зарубежья” (Терра. Спорт, М., 1998), — компилятивная, сумбурная, с грубыми повторяющимися ошибками. Автор просто не владеет материалом. Немудрено для бывшего преподавателя Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ. Кто только сегодня не занимается литературой русской эмиграции! Сколько новоиспечённых лжеспециалистов!

— Очевидно, настало время чётко определить, кого именно мы сегодня относим к писателям второй волны эмиграции. Какой смысл вы как собиратель-исследователь вкладываете в этот на сегодня устоявшийся термин. Мне кажется, что ваша точка зрения совпадает с пониманием его американским исследователем, бывшим главным редактором “Нового журнала”, автором книги в серии “ЖЗЛ” о Георгии Иванове Вадимом Крейдом и отличается от агеносовской... Уточните, пожалуйста, чем именно?

— Безусловно, моя точка зрения полностью совпадает с научным подходом Вадима Крейда, который в “Словаре поэтов русского зарубежья” (под его общей редакцией, издательство Русского Христианского гуманитарного института, СПб, 1999), естественно, включил в первую волну: Л.Алексееву, Ю.Иваска, Б.Нарциссова, А.Перфильева, И.Сабурову и, конечно, И.Чиннова. Глеб Струве в своей книге “Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы” (Издательство им. Чехова, Нью-Йорк, 1956) первый писал о “второй волне” как о новозимигрантской литературе, но ошибочно отнёс Л.Алексееву ко второй волне. В антологию “Муза Диаспоры” (Посев, 1960; составитель Ю.Терпианов) можно прочитать в его вступительной статье: “Ещё наблюдения: поэты новой эмиграции, то есть воспитанные в Советском Союзе как будто совсем не знают об Иннокентии Анненском (или не хотят знать его), тогда как эмигрантские поэты многому у Анненского научились”. Для меня писатели второй волны — люди советской формации, которые в 20-е и 30-е годы жили в СССР, и на них не могли не сказаться больше двадцати лет “советчины”. Все они носили в себе “совковый” опыт, естественно, неведомый писателям первой волны эмиграции. Кто был обижен советской властью (Н.Нароков, О.Анштей, И.Елагин), кто был внутренним эмигрантом (Д.Кленовский), кто пострадал и попал в сталинский ГУЛАГ (Н.Ульянов, Б.Филиппов, Ю.Трубецкой).

Жалкуй Пригов

Если раньше графомания — неумение писать — и называлась графоманией, то в мутной пене современности, принятой за чистую воду, она оказалась способна давать неплохой барыш.

Александр БАЛТИН

И Пригов — тому примером.

Если в некогда известных стихах о Милицанере (спросите сегодня сотню людей на улице — слышал ли кто о таких?) ещё можно было найти, когда не пародию на реальность, то хоть затхлый дух советского, в худших проявлениях, бытия, символом которого стоило бы посчитать либо пьяную, кое-как бытовую организованную коммуналку, либо заплёванную шелухой от семечек улицу, то уже в бесконечных: “Женщина в метро меня лягнула...”, “Только вымоешь посуду...” — не было ничего ни забавного, ни пародийного, ни символического. Только убожество.

Было предложено — а скорее, навязано — считать это игрой в графоманию, каковая уже сама по себе не может быть интересной, но... почему же игровой?

Где тут игра: “И Данте со своей Петраркой, и Рильке с Лоркою своей...”? — Тут словесная нелепость, не более, неумение организовать текст, смысловое и звуковое уродство.

А дальше... пошёл слом эпохи, тотальное осмеяние всего, торжество стёба, признанной новой философией, триумф шута, кричавшего кикиморой.

Всё это было бы смешно, когда бы не было столь трагично: за распадом формы следует распад сути, растление души.

Западные связи тут, естественно, пригодились: тамошним специалистам подавай горяченькое, да с душком, подпорченное: на такое и повяты угрои выгоды.

Поначалу соотечественники ужасались: как можно поделики Пригова выдавать за поэзию? Потом привыкли, отошли в сторону, пожимая плечами; затем, благодаря пиар-технологиям персонаж этот стал непременным участником богемно-тусовочной жизни: с шиком западным фестивалям и житейём в Лондоне.

А было всё просто: достаточно промывать глаза и перечитывать русскую классику, чтобы понять, насколько восхваляемый пит — пустышка, мыльный пузырь, чьи тысячи стихов не стоят одного тютевского кристалла.

Да почему-то никто не промывал... Есть в литературе фигуры грандиозные, от их творчества захватывает дух; есть значительные, с которыми нельзя не считаться, и есть настолько жалкие, что неудобно даже не столько за их бездарность, сколько за всех нас, готовых принять навоз за золото.

Кибуровщина как понижение планки

Не то плохо, что Кибуров известен (какая сейчас слава у поэта? Даже у сверх-мастера тусовки и та условна) — ужасно то, что снижена

— Как бы вы объяснили читателям, почему Лидию Алексееву, Бориса Нарциссова, Юрия Иваска, Александра Неймирова и Ирину Сабурову недопустимо называть представителями второй волны эмиграции?

— По той простой причине, что до второй мировой войны они все жили в эмиграции, кто в Прибалтике (Ю.Иваск, Б.Нарциссов, А.Перфильев, И.Сабурова), кто в Белграде (Л.Алексеева, А.Неймиров), и печатались в русских эмигрантских газетах и журналах. Во-первых, я не только лично был знаком, но и дружил с Л.Алексеевой, И.Сабуровой, И.Чинновым, Ю.Иваском, Б.Нарциссовым. Трое их них даже не раз гостили у меня в Париже, а я неоднократно — у Сабуровой в Мюнхене, поэтому, как живой свидетель, смело могу утверждать, что они естественно себя считали представителями первой волны.

Кстати, вот что пишет И.Одоевцева в своих воспоминаниях “На берегах Сены” (Париж, 1983. С.32): “В Риге в то время было много молодых поэтов: очень талантливые Ирина Сабурова, молодой редактор журнала “Для вас”. Её сейчас гордятся прибалтийцы, разбросанные по всему миру, — в Канаде они так и называют себя “сабуровцами”. В Риге жили и её муж, композитор и поэт Александр Перфильев, сюда наезжал и Игорь Чиннов, только начинавший своё блестящее восхождение к славе. Но с ними всеми я тогда, о чем жалую теперь, и знакома не была. Познакомилась я с ними много позже...”.

Во-вторых, факты — вещь упрямая, возьмём, например, Лидию Алексееву. Она начала печататься в 30-е годы в русских журналах, издававшихся в Белграде, Варшаве (“Меч”), Таплине (“Новь”), с 1928 года участвовала в белградском литературном кружке “Новый Арзамас”. В 1937 году вышла замуж за писателя-эмигранта Мих. Иванникова. А Ирина Сабурова печататься начала в 15 лет, первая публикация “Встреча. Рождественский эскиз” появилась в газете “Сегодня” (№ 47, Рига, 1922), её рассказы, статьи, стихи публиковались во многих эмигрантских периодических изданиях: в журналах “Новая нива”, “Будильник”, “Наш огонек”, “Журнал Содружества”, “Рубеж”, “Иллюстрированная Россия” и в газете “Сегодня”. С 1933 по 1940 была редактором рижского еженедельника “Для вас”. Её первая книга — сборник рассказов “Тень синего марта” вышла в Риге в 1937 году. Другой пример: Юрий Павлович Иваск с 1929 года начал публиковать стихи и литературно-критические статьи. Он был сотрудником прекрасного таплинского журнала “Новь” и парижских журналов “Путь” и “Новый град”. Его стихи дважды были напечатаны в парижских “Современных записках” (LVI, 1934 и LX, 1936) и даже включены Г.В. Адамовичем и М.Л. Канторовым в первую антологию зарубежной поэзии “Якорь” (Петрополис, Берлин, 1936) рядом со стихами Г.Иванова. В 1938 году в Варшаве был издан его первый сборник стихов “Северный берег”, о котором известный историк и литературный критик П.Бицилли написал рецензию для парижских “Современных записок” (№ LXVI, 1938).

Я мог бы продолжить, что, например, стихи Бориса Нарциссова печатались в 30-е годы в журналах “Новь” и “Современные записки” (LVI, Париж, 1934). А стихи и эссе Игоря Чиннова “Рисование Несовершенного”, “Отвлечение от всего” и “Отрывок из черновика” появились в парижском журнале “Числа” (№ 6, 1932; №9, 1933; № 10, 1934).

Кстати, Ю.П. Иваск, И.В. Чиннов, Б.А. Нарциссов, А.М. Перфильев, И.Е. Сабурова закономерно были включены в “Литературную энциклопедию Русского Зарубежья 1918-1940. Писатели русского зарубежья” (Российская академия наук, институт научной информации по общественным наукам, РОСПЭН М., 1997).

— Уже в предисловии к антологии даются две различные даты создания “Нового журнала” — “выходивший в Америке с 1940 года”, читаем на странице 29, а две страницы пустя, на стра-

планка поэтического восприятия, и человек, оцинивающий всякие “...” в ожидании конца одрищца-лап-ца-ца...” — выдвинут в — ни много ни мало — выразители своего времени.

А ведь в советское время в каждой стеленгазе сидел такой Кибуров, и поискуснее сочинял, и идеалы некоторые имели — лучше иметь хоть какие, чем ржать над самым понятием.

Тащущий всевозможные мелочи в свои вирши, набивающий их восторженным хламом, мелкими, кое-как зарифмованными историйка-

Злые замечки

ми из собственной жизни он превращает поэзию в болтовню в курилке — какой она быть не должна и не может.

Впрочем, сегодня у нас может быть всё.

Может, шустрый парнишка, облизавший в своё время все подпольные кружки, ловко делая имя на выкриках: “Меня не печатали в Союзе! Дайте мне сейчас высказаться”.

А ведь правильно, что не печатали. Человеку, несущему словесную муру, и не стоит давать высказываться.

И плодятся, множатся кибуровские вирши — то о сортирах (аж терцинами писанные), то о стирке пелёнок...

Нет, в поэзии нет, конечно, запретных тем — почти нет — вопрос: как это сделано.

А сделано чрезвычайно неряшливо, с комическим самолюбованием — так, человек, стоя перед зеркалом и расчёсывая усы, не видит, что рубашка у него выбилась и брючный ремень расстёгнут.

Поэзия занимает ничтожно малое место в сознании соотечественников — отчасти и сама виновата, отчасти те ярые пропагандисты всевозможной кибуровщины, что получают не плохие западные дивиденды, — но делегировав персонажа, подобного Кибурову, в чью ли ни классика современной поэзии, мы получим количество читателей оной, не далеко удалившейся от нуля.

Ветхий Амелин

Зачем нужна поэзия, запутанная, как лабиринт, изощрённая, как церковный диспут о количестве чертей в ушке иголки?

Поэзия, требующая шифровальщика-филолога, считающего терминологию важнее чувств и эмоций?

Сложные мысли? Но их можно излагать ясно — как Тютчев, к примеру. Ведь над поэзией должны плакать и думать, сопереживать и учиться сострадать, а когда вместо этого приходится разгадывать словесные шарады и прикидывать, что к чему вообще относится, — это уже какой-то другой жанр, пусть и построенный по канонам размеров и даже иногда оперённый рифмой.

Вероятно, всё же нужна — но исключительно этим изощрённым шифровальщикам-филологам, которым, по правде сказать, стоило бы заниматься литературой вековой, отстоявшейся, а не современной, ибо слово, сказанное в простоте, воспринимается ими кощунством. Филологическая поэзия вообще бесплодна, ибо связана с собиранием древних крох, со своеобразным коллекционированием, со сбитыми полюсами восприятия — вроде приравнивания Пушкина Хвостову, а Баха — Зелёнке.

нице 31 — “Освоенный в 1942 году “Новый журнал”.

Какие ошибки вы заметили в антологий? — Столь грубая ошибка с годом появления в свет первого номера нью-йоркского “Нового журнала” весьма показательна. Она о многом говорит, автор с первых же страниц выдаёт свою некомпетентность в области литературы русского зарубежья. Ошибок много, слишком много, чтобы их здесь перечислять. Вот, например, на той же странице 29, Б.Нарциссов и И.Чиннов оказались поэтами второй волны, а на странице 37 читаем: “Диалогическая азбука” И.Сабуровой — наибо-

Рене ГЕРРА

В кривом зеркале антологий

Кстати, вот что пишет И.Одоевцева в своих воспоминаниях “На берегах Сены” (Париж, 1983. С.32): “В Риге в то время было много молодых поэтов: очень талантливые Ирина Сабурова, молодой редактор журнала “Для вас”. Её сейчас гордятся прибалтийцы, разбросанные по всему миру, — в Канаде они так и называют себя “сабуровцами”. В Риге жили и её муж, композитор и поэт Александр Перфильев, сюда наезжал и Игорь Чиннов, только начинавший своё блестящее восхождение к славе. Но с ними всеми я тогда, о чем жалую теперь, и знакома не была. Познакомилась я с ними много позже...”.

Кстати, вот что пишет И.Одоевцева в своих воспоминаниях “На берегах Сены” (Париж, 1983. С.32): “В Риге в то время было много молодых поэтов: очень талантливые Ирина Сабурова, молодой редактор журнала “Для вас”. Её сейчас гордятся прибалтийцы, разбросанные по всему миру, — в Канаде они так и называют себя “сабуровцами”. В Риге жили и её муж, композитор и поэт Александр Перфильев, сюда наезжал и Игорь Чиннов, только начинавший своё блестящее восхождение к славе. Но с ними всеми я тогда, о чем жалую теперь, и знакома не была. Познакомилась я с ними много позже...”.

Во-вторых, факты — вещь упрямая, возьмём, например, Лидию Алексееву. Она начала печататься в 30-е годы в русских журналах, издававшихся в Белграде, Варшаве (“Меч”), Таплине (“Новь”), с 1928 года участвовала в белградском литературном кружке “Новый Арзамас”. В 1937 году вышла замуж за писателя-эмигранта Мих. Иванникова. А Ирина Сабурова печататься начала в 15 лет, первая публикация “Встреча. Рождественский эскиз” появилась в газете “Сегодня” (№ 47, Рига, 1922), её рассказы, статьи, стихи публиковались во многих эмигрантских периодических изданиях: в журналах “Новая нива”, “Будильник”, “Наш огонек”, “Журнал Содружества”, “Рубеж”, “Иллюстрированная Россия” и в газете “Сегодня”. С 1933 по 1940 была редактором рижского еженедельника “Для вас”. Её первая книга — сборник рассказов “Тень синего марта” вышла в Риге в 1937 году. Другой пример: Юрий Павлович Иваск с 1929 года начал публиковать стихи и литературно-критические статьи. Он был сотрудником прекрасного таплинского журнала “Новь” и парижских журналов “Путь” и “Новый град”. Его стихи дважды были напечатаны в парижских “Современных записках” (LVI, 1934 и LX, 1936) и даже включены Г.В. Адамовичем и М.Л. Канторовым в первую антологию зарубежной поэзии “Якорь” (Петрополис, Берлин, 1936) рядом со стихами Г.Иванова. В 1938 году в Варшаве был издан его первый сборник стихов “Северный берег”, о котором известный историк и литературный критик П.Бицилли написал рецензию для парижских “Современных записок” (№ LXVI, 1938).

Я мог бы продолжить, что, например, стихи Бориса Нарциссова печатались в 30-е годы в журналах “Новь” и “Современные записки” (LVI, Париж, 1934). А стихи и эссе Игоря Чиннова “Рисование Несовершенного”, “Отвлечение от всего” и “Отрывок из черновика” появились в парижском журнале “Числа” (№ 6, 1932; №9, 1933; № 10, 1934).

Кстати, Ю.П. Иваск, И.В. Чиннов, Б.А. Нарциссов, А.М. Перфильев, И.Е. Сабурова закономерно были включены в “Литературную энциклопедию Русского Зарубежья 1918-1940. Писатели русского зарубежья” (Российская академия наук, институт научной информации по общественным наукам, РОСПЭН М., 1997).

— Уже в предисловии к антологии даются две различные даты создания “Нового журнала” — “выходивший в Америке с 1940 года”, читаем на странице 29, а две страницы пустя, на стра-

планка поэтического восприятия, и человек, оцинивающий всякие “...” в ожидании конца одрищца-лап-ца-ца...” — выдвинут в — ни много ни мало — выразители своего времени.

А ведь в советское время в каждой стеленгазе сидел такой Кибуров, и поискуснее сочинял, и идеалы некоторые имели — лучше иметь хоть какие, чем ржать над самым понятием.

Тащущий всевозможные мелочи в свои вирши, набивающий их восторженным хламом, мелкими, кое-как зарифмованными историйка-

ми из собственной жизни он превращает поэзию в болтовню в курилке — какой она быть не должна и не может.

Впрочем, сегодня у нас может быть всё.

Может, шустрый парнишка, облизавший в своё время все подпольные кружки, ловко делая имя на выкриках: “Меня не печатали в Союзе! Дайте мне сейчас высказаться”.

А ведь правильно, что не печатали. Человеку, несущему словесную муру, и не стоит давать высказываться.

И плодятся, множатся кибуровские вирши — то о сортирах (аж терцинами писанные), то о стирке пелёнок...

Нет, в поэзии нет, конечно, запретных тем — почти нет — вопрос: как это сделано.

А сделано чрезвычайно неряшливо, с комическим самолюбованием — так, человек, стоя перед зеркалом и расчёсывая усы, не видит, что рубашка у него выбилась и брючный ремень расстёгнут.

Поэзия занимает ничтожно малое место в сознании соотечественников — отчасти и сама виновата, отчасти те ярые пропагандисты всевозможной кибуровщины, что получают не плохие западные дивиденды, — но делегировав персонажа, подобного Кибурову, в чью ли ни классика современной поэзии, мы получим количество читателей оной, не далеко удалившейся от нуля.

Зачем нужна поэзия, запутанная, как лабиринт, изощрённая, как церковный диспут о количестве чертей в ушке иголки?

Поэзия, требующая шифровальщика-филолога, считающего терминологию важнее чувств и эмоций?

Сложные мысли? Но их можно излагать ясно — как